

М. О. Гузикова
Д. В. Спиридонов
Екатеринбург, Россия

M. O. Guzikova
D. V. Spiridonov
Ekaterinburg, Russia

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ИДЕОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

LINGUISTIC DESCRIPTION OF IDEOLOGY: IN SEARCH OF METHODOLOGY

Аннотация. Рассматриваются проблемы лингвистического изучения политических идеологий и предлагается методология построения концептуального поля идеологии, основанная на «морфологической» теории идеологии М. Фридена. В качестве примера применения предлагаемой методики авторы описывают концептуальное поле идеологии децизионизма, возникшей в 1920-е гг. в Германии.

Abstract. The article focuses on the problems of linguistic analysis of political ideologies and suggests a methodology for the construction of the ideological conceptual field based on the "morphological" theory of ideology developed by M. Freeden. As an example of practical application of the methodology, the authors describe the conceptual field of the ideology of "decisionism", which emerged in Germany in 1920s.

Ключевые слова: идеология; политический концепт; идеологема; идеологический дискурс; децизионизм

Key words: ideology; political concept; ideologeme; ideological discourse; decisionism.

Сведения об авторе: Гузикова Мария Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Институт социальных и политических наук.

About the author: Guzikova Maria Olegovna, Candidate of History, Head of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Institute of Social and Political Sciences.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University.

Контактная информация: 62000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 240.
e-mail: mariagu@mail.ru.

Сведения об авторе: Спиридонов Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой романского языкознания, Институт гуманитарных наук и искусств.

About the author: Spiridonov Dmitry Vladimirovich, Candidate of Philology, Acting Head of Department of Romance Linguistics, Institute of Arts and Humanities.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Place of employment: Ural Federal University.

Контактная информация: 62000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 240.
e-mail: dspiridonov@mail.ru.

1. Постановка проблемы

Идеология как предмет лингвистического исследования — тема в лингвистике не новая. И в то же время задача разработки методологии лингвистического изучения и описания идеологий далека от решения.

Понятие идеологии востребовано в лингвистике прежде всего при изучении идеологически нагруженного дискурса, т. е. такой речи и таких текстов, в которых явно или неявно присутствует политическая аксиология, отражающая политические взгляды продуцента дискурса; последний, в свою очередь, посредством этого дискурса стремится объективировать соответствующую систему идеологических установок или, не стремясь к эксплицитной объективации, навязать ее реципиенту. При таком лингвистическом изучении идеологии преимущественным объектом анализа лингвиста становятся *идеологемы*, по-разному определяемые разными исследователями. Ряд авторов трактует идеологему как вербальный, материальный носитель некоторого идеологического смысла [Купина 2000; Нахимова 2003; Гусейнов 2004 и др.]. Другие исходят из когнитивной, или ментальной интерпретации понятия. В этом случае идеологема мыслится как концепт, обладающий некоторым идеологическим

содержанием и тем или иным образом вербализуемый в речи [Мирошниченко 1995; Малышева 2009 и др.].

Однако эта стратегия исследования идеологического дискурса оставляет за рамками анализа целый ряд методологических вопросов. Так, в отечественной лингвистической традиции исследование идеологем тесно связано с изучением тоталитарного дискурса советской эпохи, из-за чего термины «идеология» и «идеологема» приобрели отчетливую негативную окраску, а само понятие идеологически нагруженного дискурса у некоторых исследователей почти полностью сводится к дискурсу тоталитарному, хотя понятно, что идеология может быть не только «советской», «коммунистической» и т. п. [Гусейнов 2004]. Но тогда следует задаться вопросом о том, что мы должны считать идеологией и, следовательно, какие идеологические смыслы могут лежать в основе идеологем. Отсюда сами собой возникают другие вопросы. Например, очевидно, что самые разные группы лексем (а также других материальных единиц языка) могут быть носителями идеологических смыслов, однако степень маркированности их идеологического содержания в разных коммуникативных ситуациях, в разных контекстах будет разной. Тогда как отделить одни контексты от других? В каких

коммуникативных ситуациях мы вправе ожидать актуализацию идеологического смысла, а в каких — нет? Наконец, что значит употребляемое нами пока очень условно словосочетание «идеологический смысл» и как он вписывается в представления современной семантики? В данной статье мы не ставим цель ответить на все эти вопросы. В то же время мы стремимся показать, что у изучения идеологического дискурса может быть еще один важный вектор, разработка которого в перспективе могла бы приблизить к решению и этих задач.

2. Идеология с лингвистической точки зрения

Употребление термина «идеология» в лингвистической литературе часто вообще не опирается ни на какую внятную социально-политическую теорию идеологии, что само по себе ведет к некоторой методологической «рыхлости». Ранние опыты изучения тоталитарного дискурса были направлены на разоблачение идеологии, выявление структурирующей роли властного дискурса, пронизывающего все прочие виды массовой (и не только) коммуникации. В свою очередь, такая направленность связана с достаточно узким толкованием самого понятия идеологии. В конце концов, разоблачение одной идеологии всегда является практической реализацией некоторой иной (например, демократической) идеологической установки. По этой причине в современной политической теории на место разоблачения идеологий пришла тенденция к пониманию идеологий как особых когнитивных и дискурсивных образований [Мусихин 2013: 10—11].

Прежде всего следует сузить предмет нашего интереса. В данной работе мы будем говорить только о политических идеологиях, т. е. о таких идеологиях, которые вовлечены в публичную борьбу за власть или нацелены на удержание политической власти. Как минимум начиная с Л. Альтюссера политическая идеология в современной социально-политической теории понимается как языковая, дискурсивная сущность, фиксирующая некоторую совокупность аксиологических установок (верований и убеждений) относительно социального и политического устройства, возникающих у социальных субъектов в процессе социального взаимодействия. Для современной теории идеологий существенно, однако, что эта система установок подвижна и находится в постоянной связи с конкретным социальным и политическим контекстом. В ходе социальной практики эти аксиологические установки фиксируются и объективируются в виде понятий, представляющих в форме особого политического языка: «...например, индивидуальные переживания социальных отношений находят свое политическое звучание в понятии социальной структуры, а переживание угнетения получает политическое звучание в концепте свободы» [Мусихин 2013: 12].

В свою очередь, этот политический язык затем служит своего рода дискурсивной рамкой, помогающей субъекту воспринимать и интерпретировать мир, в котором он живет.

Объективация идеологии необходима по той причине, что идеология никогда не является индивидуальной совокупностью аксиологических установок. Посредством языка социальные субъекты убеждаются, что присущее им аксиологическое восприятие социальной действительности является общим для многих индивидов. В этом смысле политический язык является инструментом сплочения. Кроме того, языковое оформление идеологии необходимо для разработки программы воплощения этой идеологии в жизнь, для чего также необходима критика других идеологий. Дискурсивная реализация идеологий является, таким образом, предпосылкой публичной политики и собственно политической теории.

Для понимаемой так идеологии характерно несколько существенных свойств. Во-первых, поскольку в основе идеологии лежат ценностные установки, любая политическая идеология всегда представляет собой некоторый связный образ *идеальной* социальной реальности, описание того, как должен быть устроен мир. При этом отдельные компоненты этого образа являются аксиологически обусловленными и потому имеют сильный аффективный субстрат (например, представление о свободе в либерализме, представление о «своих» и «чужих» в национализме и пр.); другие возникают лишь на этапе теоретической разработки соответствующих идеологий и относятся к теориям соответствующих идеологий. Это означает, что разные идеологемы внутри отдельно взятой идеологии будут обладать разным статусом как для продуцента идеологического дискурса, так и для его реципиента. То же, очевидно, справедливо и для сходных по содержанию идеологем внутри разных идеологий.

Во-вторых, в каждый момент времени в политическом пространстве идеология никогда не бывает одна. Необходимость объективировать некоторые аксиологические установки в отношении социальной реальности во многом связана с тем, что эти установки различны у разных социальных групп, и всякая идеология, оформляя собственные установки в политическом языке, вынуждена принимать во внимание существование иных идеологий, в том числе ориентировать свой язык так, чтобы чисто лингвистически огородить для себя место в существующем поле политических практик. По этой причине лингвистическое изучение одной идеологии должно всегда предполагать изучение конкурирующих идеологий.

Каковы могут быть конечные задачи лингвистического изучения идеологии? Традиционное изучение идеологически нагруженного дискурса явно или неявно предполагает разобла-

чение способов речевого манипулирования — «протаскивания» в речь различных по характеру идеологических императивов (критики идеологий-соперниц, побуждения к совершению идеологически правильных действий и пр.). Однако помимо задачи изучения коммуникативных стратегий речевого манипулирования, генетически связанных со стратегией разоблачения идеологий, вырисовывается еще один вектор исследовательского поиска, ориентированный на стратегию понимания идеологий.

Поскольку всякая политическая идеология представляет собой связный образ идеальной реальности, а этот образ, в свою очередь, обладает некоторым языковым коррелятом, описание идеологии можно понимать как описание ее языка, т. е. системы понятий, структурирующих тот образ реальности, который лежит в основе этой идеологии. В этом случае изучение языка идеологии служит реконструкции идейной базы идеологии и структурирующих ее аксиологических императивов. Очевидно, что для некоторых идеологий такой лингвистический анализ не очень интересен — это справедливо главным образом для традиционных политических идеологий, получивших серьезную теоретическую разработку в политической науке (социализм, национализм, либерализм и пр.). Однако для целого ряда идеологий эта задача может быть насущной. Это касается, например, маргинальных или еще только складывающихся идеологий; версий традиционных идеологий, различия между которыми носят достаточно тонкий и часто неявный характер («скандинавский социализм», «маоизм» и т. п.), или идеологий различных политических сил, принадлежащих к одной и той же области политического спектра; политических идеологий прошлого, более не актуальных и потому не разрабатываемых в современной политической теории, понимание которых, однако, существенно в исторической перспективе; локальных политических идеологий (например, внешнеполитических доктрин отдельных государств и внешнеполитических блоков, которые, по сути, являются национальными и транснациональными внешнеполитическими идеологиями, опирающимися на восприятие гражданами места и роли своего государства на международной арене) и т. п. Дальнейшее изложение будет касаться именно этого направления в изучении идеологий.

3. Концептуальные поля и их описание

Нельзя сказать, что изучение идеологии как набора структурирующих ее языковых элементов является новой задачей. В конце концов, обсуждавшееся выше понятие идеологии имплицитно связано именно с представлением идеологии как некоторого набора языковых элементов [2]. Однако чаще всего исследуются отдельные понятия / языковые единицы, которым приписывается идеологический статус. Такое исследование не предполагает построение номенклатуры идеологием какой-либо

идеологии или описание семантических корреляций между ними. В нашем случае речь идет именно о реконструкции идеологии как связного набора «ключевых понятий», находящихся в определенных отношениях друг с другом.

В политологии это понимание идеологии разрабатывалось Майклом Фриденом в рамках так называемой «морфологической» теории идеологии [Freedon 1996, 2005 и др.]. Согласно этой теории, идеологии представляют собой комплексы, или поля, *концептов*, которые используются в рамках этих идеологий некоторым устойчивым, повторяющимся образом и фиксируют наиболее существенные фрагменты того идеального образа реальности, который лежит в основе этих идеологий. Внутри таких полей выделяются ядерные и периферийные концепты, кроме того, концепты могут вступать в отношения подчинения, быть равноправными или соположенными друг другу. Понять идеологию — значит выделить центральные концепты и определить их содержание. Для понимания же концепта необходимо учитывать его системные отношения с другими концептами внутри данного концептуального поля.

Ясно, что понятия «концепт», «поле» и прочие используются Фриденом в лингвистическом смысле. Но ясно и то, что его политической теории идеологии относительно просто можно придать лингвистическую направленность.

В лингвистической перспективе политический концепт может быть представлен в виде лексемы обыденного или специального языка, в значение которой, помимо стандартного набора сем, входят также те семантические признаки, которые существенны для данной идеологии и актуализируются внутри соответствующего концептуального поля. При этом отдельные семантические признаки концепта могут *легитимизироваться* или *делегитимизироваться* — т. е. сохраняться или исчезать в зависимости от их соответствия общим идеологическим установкам. Совокупность семантических признаков, которые будут стабильно сохраняться в содержании соответствующего понятия в любой идеологии (а также в обыденном, свободном от идеологического использования языке) и которые представляют соответствующее понятие в наиболее общем виде, составляют инвариантную часть концепта. Та область его значения, различия внутри которой отражают различия в использовании данного понятия внутри конкретных идеологий, т. е. его конкретное концептуальное содержание, относится к вариативной составляющей концептуального содержания. В тех случаях, когда сходные понятия используются в разных идеологиях, становится актуальным описание в семантике концепта вариативной составляющей, поскольку именно она содержит наиболее специфическую (идеологически маркированную) семантическую информацию.

В рамках предлагаемой здесь методологии

допускается, что в речи одно и то же концептуальное содержание может репрезентироваться разными лексемами и описательными оборотами. Например, концепт СУВЕРЕНИТЕТ может иметь такие репрезентанты, как *суверенитет, независимость, территориальная целостность, право на самостоятельность* и т. п. Возможно и обратное, когда один и тот же термин в разных идеологиях может быть связан с разными концептами (так, термин *справедливость* в дискурсе либералов и социалистов отсылает к разным концептам, которые можно условно обозначить как СПРАВЕДЛИВОСТЬ₁ и СПРАВЕДЛИВОСТЬ₂).

Собственно реконструкция идеологии предполагает построение соответствующего концептуального поля — т. е. выявление наиболее важных для данного поля концептов и определение их отношений между собой. В свою очередь, решение этой задачи предполагает выполнение нескольких операций: 1) установление набора лексем, называющих существенные для данной идеологии понятия; 2) выявление парадигматических связей между этими лексемами в текстах данной идеологии с целью построения синонимических рядов — наборов лексем, называющих одно и то же понятие; 3) установление логических отношений между этими понятиями, результатом чего может быть схематическое представление отношений между набором понятий; те понятия, которые попадут в схему и для которых возможно установить системные связи с другими понятиями внутри схемы, мы будем называть *ядерными идеологическими концептами*; понятия, которые выявляются путем лексического анализа идеологических текстов, но оказываются за пределами этой логической схемы, носят, очевидно, вспомогательный характер и могут быть отнесены к ближней или дальней периферии концептуального поля; такие понятия часто не имеют идеологической специфики и используются в некотором инвариантном значении.

Задача схематизации отношений между понятиями решается посредством качественного анализа контекстов употребления соответствующих репрезентантов понятий в текстах. Но для ее решения необходимо, по видимому, еще одно условие — реконструкция концептуального поля идеологий-конкурентов. Дело в том, что, как уже отмечалось выше, ни одна идеология не существует сама по себе. Оформляясь в виде некоторого политического языка, всякая идеология дистанцируется от прочих идеологий, выдвигая свои принципы и понятия вместо тех, что выдвигают конкурирующие идеологии. По этой причине при построении схемы, репрезентирующей структуру поля, необходимо учитывать также и то, как в текстах данной идеологии представлены ее конкуренты: какие концепты конкурирующих идеологий оказываются для нее существенными, как видятся сквозь призму этой идеологии

отношения между концептами в конкурирующих идеологических полях. В этом смысле схематизировать концептуальное поле означает выявить те концептуальные позиции, которые являются общими для всех анализируемых идеологий, но которые наполняются разным концептуальным содержанием. Подобие структур концептуальных полей конкурирующих идеологий можно назвать *эффектом гомологии* полей. Этот эффект не является отражением реально-го структурного подобия идеологий, однако его появление означает, что *всякая идеология структурируется по той модели, которую она обнаруживает в структуре идеологий-конкурентов*. Так, например, социализм определяет себя через критику капитализма, а капитализм — через критику социализма. Тот набор концептов социализма, которые мы встретим в текстах капиталистической идеологии, может быть недостаточно полным, недостаточно адекватным социалистической идеологии. Однако существенно, что капиталистическая идеология структурирует себя, отталкиваясь именно от такого понимания концептуального поля социализма, и наоборот.

Остается еще один немаловажный вопрос — это вопрос об источниках. Выше мы неоднократно употребили термин «идеологический дискурс», однако что можно считать таким дискурсом? Для задач реконструкции структуры идеологии, конечно, необходимо привлекать тексты, в которых идеология может быть эксплицирована наиболее полно и ясно. Это прежде всего тексты тех, кого мы назовем «идеологами» — т. е. тех акторов, которые наделяют идеологию языком, вербализуют ее. В этой связи стоит отметить, что не для всех видов идеологий, подлежащих реконструкции, такие тексты существуют (это особенно касается идеологий прошлого и локальных версий традиционных идеологий), кроме того, у целого ряда как традиционных, так и нетрадиционных идеологий возможно предполагать существование нескольких чисто языковых версий, за которыми, при более пристальном анализе, могут обнаружиться значимые содержательные различия, выявление которых может стать самостоятельной научной задачей. Другими словами, вопрос об источнике должен решаться всякий раз индивидуально.

4. Опыт описания поля: идеология децизионизма

В качестве примера применения методологии мы рассмотрим идеологию *децизионизма*, сформулированную немецким правоведом Карлом Шмиттом (1888—1885). Шмитт развивал ее в своей работе «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете». Странник национал-социализма, Шмитт опубликовал свою небольшую работу о государстве в 1922 г., в разгар существования Веймарской республики. В своем труде он рассуждает о суверенитете и о праве суверена на принятие решения (откуда и название — децизионизм,

от нем. *Dezision* 'решение'). В противоположность буржуазно-либеральной модели государства, Шмитт предлагает такое понимание государственного устройства, при котором высшим субъектом власти остается суверен, трактуемый как субъект, наделенный авторитетом и, в силу этого, правом принятия решения. Красной линией через всю книгу Шмитта проходит мысль, сформулированная некогда Гоббсом: «*Autoritas, non veritas facit legem*». В заключительной части книги Шмитт обрисовывает те идеологии, которые возникли в противовес буржуазному либерализму: социалистический анархизм, представленный Прудоном и Бакуниным, и контрреволюционный католический консерватизм в лице де Местра, Бональда и Доносо Кортеса. К этой последней идейной традиции, определяя ее как децизионистскую, Шмитт относит и себя. Буржуазный либерализм, в котором Шмитт видит своего противника, последовательно стремится низвести до минимума роль личности, суверена, тогда как децизионизм, напротив, исходит из главенствующей роли личности.

Источником для реконструкции идеологии децизионизма послужила книга «Политическая теология». Поскольку текст носит отчасти научный характер (жанр книги определить трудно, но по характеру изложения она ближе к философскому трактату), большого разнообразия лексем, репрезентирующих центральные понятия работы, здесь нет. По этой причине позволим себе опустить наиболее техническую часть исследования — выделение основных идеологем. Наибольшую трудность в реконструкции идеологии представляет схематизация концептуального поля. В данном случае схематизация поля децизионизма проводилась параллельно с такой же работой в отношении либеральной правовой модели. Еще раз оговоримся, что в данном случае речь не идет о либерализме как таковом, существенно лишь то, как либеральная модель государства представлена на страницах книги Шмитта. Нами были отобраны контексты, которые бы проясняли логические отношения между потенциальными концептами — как самого децизионизма, так и либерализма, как он мыслится изнутри децизионистской идеологии. Например:

<i>Souverän ist, wer über den Ausnahmezustand entscheidet</i> [Schmitt 2004: 13]	Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении [Шмитт 2000: 15]
der Souverän ... entscheidet sowohl darüber, ob der extreme Vorfall vorliegt, als auch darüber, was geschehen soll, um ihn zu beseitigen. Er steht ausserhalb der normal geltenden Rechtsordnung und gehört doch zu ihr, den er ist zuständig für die Entscheidung, ob die Verfassung in toto suspendiert werden kann. Alle Tendenzen der modernen rechtsstaatlichen Entwicklung gehen dahin, den Souverän in diesem Sinne zu beseitigen [Schmitt 2004: 14]	... Суверен... принимает решение не только о том, имеет ли место экстремальный случай крайней необходимости, но и о том, что должно произойти, чтобы этот случай был устранен. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть in toto приостановлено действие конституции. Все тенденции современного развития правового государства ведут к тому, чтобы устранить суверена в этом смысле [Шмитт 2000: 17—18]
... die Souveränität, und damit der Staat selbst, darin besteht, ... definitiv zu bestimmen, was öffentliche Ordnung und Sicherheit ist... Denn jede Ordnung beruht auf einer Entscheidung... Und auch die Rechtsordnung, wie jede Ordnung, beruht auf einer Entscheidung und nicht auf einer Norm [Schmitt 2004: 16]	... суверенитет, а значит, и само государство, состоит в том, чтобы... определить окончательно, в чем состоит общественный порядок и безопасность... Ибо каждый порядок покоится на некотором решении... также и правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме [Шмитт 2000: 21]
Nicht jede aussergewöhnliche Befugnis ... ist bereits Ausnahmezustand. Dazu gehört vielmehr eine prinzipiell unbegrenzte Befugnis, dass heisst, die Suspendierung der gesamten bestehenden Ordnung. Ist dieser Zustand eingetreten, so ist klar, dass der Staat bestehen bleibt, während der Recht zurücktritt. Weil der Ausnahmezustand immer noch etwas anderes ist als seine Anarchie und ein Chaos, besteht im juristischen Sinne immer noch eine Ordnung, wenn auch keine Rechtsordnung. Die Existenz des Staates bewährt hier eine zweifellose Überlegenheit über die Geltung der Rechtsnorm. Die Entscheidung macht sich frei von jeder normativen Gebundenheit und wird im eigentlichen Sinne absolut [Schmitt 2004: 18]	Ибо не всякое исключительное полномочие... суть уже чрезвычайное положение. Скорее, оно включает принципиально неограниченное полномочие, то есть приостановление действия всего существующего порядка. Если это состояние наступило, то ясно, что государство продолжает существовать, в то время как право отходит на задний план. Поскольку чрезвычайное положение всегда есть нечто иное, чем анархия и хаос, то в юридическом смысле все же существует порядок, хотя и не правопорядок. Существование государства доказывает здесь на деле свое несомненное превосходство над действием правовой нормы. Решение освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле абсолютным [Шмитт 2000: 25]

<p>Es gibt keine <i>Norm</i>, die auf ein Chaos anwendbar wäre. Die <i>Ordnung</i> muss hergestellt sein, damit die <i>Rechtsordnung</i> einen Sinn hat. Es muss eine normale Situation geschaffen werden, und <i>souverän</i> ist derjenige, der definitive darüber entscheidet, ob dieser normale Zustand wirklich herrscht. ... Der Souverän schafft und garantiert die Situation als Ganzes in ihrer Totalität. Er hat das Monopol dieser letzten <i>Entscheidung</i>. Darin liegt das Wesen der staatlichen <i>Souveränität</i>, die also richtigerweise nicht als Zwangs- und Herrschaftsmonopol, sondern als <i>Entscheidungsmonopol</i> juristisch zu definieren ist. [Schmitt 2004: 19]</p>	<p>Не существует <i>нормы</i>, которая была бы применима к хаосу. Должен быть установлен <i>порядок</i>, чтобы имел смысл <i>правопорядок</i>. Должна быть создана нормальная ситуация, и <i>сувереном</i> является тот, кто недвусмысленно решает, господствует ли действительно это нормальное состояние... Суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего <i>решения</i>. В этом состоит сущность государственного <i>суверенитета</i>, который, таким образом, юридически должен правильно определяться не как властная монополия или монополия принуждения, но как монополия <i>решения</i>... [Шмитт 2000: 26]</p>
--	--

В этих примерах выделены курсивом лексемы, репрезентирующие существенные для данного идеологического дискурса понятия. Здесь, как и во всем тексте, видно, например, что *порядок* противопоставляется *правопорядку*, *государство* — *правовому государству*. В основе *правового государства* лежит *правопорядок* и *правовые нормы*. В основе *государства* лежит *порядок*, устанавливаемый *сувереном* путем принятия *решения* относительно некоего *чрезвычайного положения*, когда применение обычного права невозможно. Одно и то же понятие в тексте может репрезентироваться разными лексемами. Например, понятие ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ репрезентируется лексемами *extreme Notfall*, *Ausnahmefall*, *extremus necessitates casus*. Лексемы, входящие в такие синонимические ряды, рассматриваются нами как репрезентанты одного концептуального понятия. Несколько сложнее обстоит дело с понятием РЕШЕНИЕ, которое репрезентируется лексемами *Dezision* и *Entscheidung*. Эти терми-

ны не совсем синонимичны. В тексте трактата термин *Dezision* используется как гипоним по отношению к общеупотребительному *Entscheidung* и обозначает абсолютное решение суверена, решение, которое создает норму. Так понимаемое РЕШЕНИЕ является концептом исключительное децизионистской модели государства.

В обеих идеологиях центральным концептом является концепт государства. Концептуальное поле выстраивается вокруг концептов, обозначающих субъекта государственной власти, механизмы реализации им своей субъектности, конечную цель функционирования государства и пр. В результате семантическое пространство идеологии может быть репрезентировано в виде набора позиций, каждую из которых в обеих идеологиях занимает тот или иной концепт. Этот набор позиций и концептов, их замещающих, можно наглядно представить в виде таблицы.

Таблица

Позиция внутри концептуального поля	Децизионизм	Либерализм
Центральный концепт (К-1)	STAAT / ГОСУДАРСТВО ₁ Мыслится как государство, основанное на личной воле суверена	STAAT / RECHTSTAAT / ГОСУДАРСТВО ₂ Мыслится как правовое государство
Концепт (К-2), обозначающий основного субъекта К-1	SOUVERÄN / СУВЕРЕН Мыслится как индивид, обладающий моральным и юридическим правом принимать РЕШЕНИЕ	VOLK / НАРОД Мыслится как совокупность всех представителей общества, устанавливающих НОРМЫ и действующих в соответствии с ними
Концепт (К-3), обозначающий механизм субъектности К-2	DEZISION / ENTSCHEIDUNG / РЕШЕНИЕ ₁ Мыслится как личный акт СУВЕРЕНА, посредством которого утверждается и поддерживается его право на управление ГОСУДАРСТВОМ	RECHTSNORMEN / НОРМЫ Мыслится как совокупность правовых норм, устанавливаемых НАРОДОМ для обеспечения функционирования ГОСУДАРСТВА
Концепт (К-4), обозначающий ситуацию, при которой действует К-3	AUSNAHMEFALL / ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ Мыслится как ситуация, при которой не действуют правовые нормы	—
Концепт (К-5), обозначающий механизм, обеспечивающий функционирование К-3	GEWALT / МОЩЬ Мыслится как личная мощь СУВЕРЕНА, его воля	MASCHT / СИЛА Мыслится как воля большинства, обезличенная духовная сила НАРОДА, трансцендентная по отношению к воле отдельной личности
Концепт (К-6), обозначающий тип связи между К-2 и К-3	SOUVERÄNITÄT / СУВЕРЕНИТЕТ Мыслится как основанное на GEWALT абсолютное право СУВЕРЕНА принимать РЕШЕНИЕ	LEGITIMITÄT / ЛЕГИТИМНОСТЬ Мыслится как правомочность НАРОДА, т. е. его способность устанавливать НОРМУ волей большинства (MASCHT)
Концепт (К-7), обозначающий выгодополучателя К-1	STAAT / ГОСУДАРСТВО Мыслится как конечный бенефициар РЕШЕНИЯ СУВЕРЕНА	VOLK / НАРОД Мыслится как конечный бенефициар собственной нормоустанавливающей воли

Позиция внутри концептуального поля	Децизионизм	Либерализм
Концепт (К-8), обозначающий цель К-1	ПОРЯДОК / ORDNUNG Мыслится как порядок, устанавливаемый в соответствии с РЕШЕНИЕМ СУВЕРЕНА и предшествующий ПРАВОПОРЯДКУ	RECHTSORDNUNG / ПРАВОПОРЯДОК Мыслится как установленный порядок, обеспечиваемый и регулируемый (т. е. изменяемый) в соответствии с НОРМАМИ
Концепт (К-9), обозначающий основное качество К-2, обеспечивающее К-6	AUTORITÄT / АВТОРИТЕТ Мыслится как некоторое абсолютное моральное качество, реализуемое посредством принятия РЕШЕНИЯ	—
Концепт (К-10), обозначающий результат К-3	NORMEN / НОРМЫ Подчиняются РЕШЕНИЮ СУВЕРЕНА	ENTSCHEIDUNG / РЕШЕНИЕ ₂ Подчиняется НОРМАМ, установленным НАРОДОМ

Из таблицы видно, что центральным концептом (К-1) в обеих идеологиях является ГОСУДАРСТВО, однако содержание этого концепта различается. В либеральной идеологии ГОСУДАРСТВО₂ мыслится как правовое государство, обеспечиваемое волей народа, который устанавливает нормы и следует им. В децизионистской идеологии ГОСУДАРСТВО₁ есть конструкция, основанная на личной воле суверена, которой в итоге подчиняются и нормы, и народ.

Построенное поле позволяет наглядно представить понятийную структуру идеологии, выделить наиболее и наименее значимые концепты. Так, из таблицы становится понятно, что критичными для понимания различия между двумя идеологиями являются концепты К-1, К-2, К-3 — они составляют ядро поля. Все остальные концепты, по сути, производны от этих двух. Видно также, что не все позиции обязательно должны быть заполнены в обоих полях (вероятно, обязательно должны быть заполнены лишь ядерные позиции). В частности, в первой модели не заполнены две позиции: К-4 (поскольку предполагается, что в правовом государстве норма действует непрерывно — допущение либерализма, критикуемое Шмиттом) и К-9 (поскольку народ реализует свою волю независимо от собственных качеств; в децизионизме суверен должен обладать неким абсолютным моральным качеством, дающим ему право на принятие решения, тогда как в либеральной модели народ не связан моральной ответственностью перед самим собой, что мыслится как один из изъянов демократии).

Из таблицы также наглядно видно, что обе идеологии оперируют сходным набором концептов, однако положение этих концептов в структуре поля существенно различается. В данном случае обращает на себя внимание перемещение концепта НАРОД на периферию в концептуальном поле децизионизма, что объясняется его антидемократической (и, шире, антирационалистической) установкой: суверен действует в интересах государства, но не народа, и не народом санкционируются его решения. Несколько интереснее исчезновение концепта СУВЕРЕНИТЕТ из концептуального поля либерализма. Оно наглядно иллюстрирует радикальный семантический разрыв в употреблении самого термина *суверенитет*. Во многих европейских языках слово *суверенитет* означает прежде всего 'власть, владыче-

ство над кем-либо или чем-либо' — это значение восходит к этимологическому значению слова *суверен* 'повелитель', и именно в этом смысле употребляет его Шмитт. Более частотное в современной политической коммуникации значение 'юридическая самостоятельность (государства)' развивается у слова много позже. В русском языке, куда соответствующая лексема проникла уже в эпоху господства либерально-демократической модели государства, зафиксировалось лишь более позднее значение (в первом значении лексема употребляется разве что как исторический термин — наряду с термином *вассалитет*). Этот семантический сдвиг имеет, конечно, идеологическую природу, что наглядно видно в нашей таблице: в либеральной модели субъектом суверенности является уже не личность, а народ, наделяемый этим качеством в силу права.

Еще одним результатом моделирования концептуального поля идеологии становится тот факт, что мы получаем относительно замкнутый набор понятий, взаимно определяющих друг друга: ГОСУДАРСТВО определяется через СУВЕРЕНА; в свою очередь, СУВЕРЕН — через ГОСУДАРСТВО, МОЩЬ и РЕШЕНИЕ и т. д. Таким образом, термины, репрезентирующие концепты, образуют своего рода замкнутый, очень компактный семантический метаязык самоописания идеологии. Единицы этого языка представляют собой семантически первичные элементы, своего рода «семантические примитивы», служащие для истолкования всех прочих идеологических понятий внутри соответствующей идеологии и потому воспринимаемые изнутри этой идеологии как не нуждающиеся в пояснении. Это особенно касается терминов, репрезентирующих центральные концепты, которые отражают общую аксиологическую ориентацию идеологии и, по-видимому, составляют наименее рациональную ее часть (эти концепты, по всей видимости, в наибольшей степени связаны с аффективной ориентацией носителей идеологии в социально-политическом пространстве). Кроме того, элементы этого метаязыка вместе с их концептуальным содержанием могут использоваться разными продуцентами идеологического дискурса в текстах разной направленности и разного объема, опознаваясь тем не менее как семантически специфические элементы и за счет этого маркируя соответствующие тексты как принадлежащие единому идеологическому дискурсу.

Из анализа видно, что получаемая в результате сеть концептов не совсем то же самое, что набор идеологем. Под идеологемами в самом общем виде понимаются не столько концепты, структурирующие саму идеологию, сколько понятия и обозначающие их знаки, которые выражают конкретную политическую версию идеологии, развиваемую в конкретных социальных, культурных, исторических условиях. Скажем, в советском идеологическом дискурсе присутствуют идеологемы «партия», «пятилетка», «соцсоревнование» и прочие, которые даже для той версии социализма, которую строили в СССР, являются вторичными, не структурирующими. В то же время задача описания языка идеологии, структурирующего политическую практику ее носителей, по-видимому, должна предшествовать и задачам критического дискурсивного анализа, направленного на разоблачение манипулятивных речевых тактик конкретных идеологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Идеологический субстрат дискурса может быть самым разным, существенно, однако, чтобы в ходе анализа выявлялись стратегии его идеологизации и тем самым осуществлялась его деидеологизация. В зарубежной лингвистике сходное направление изучения идеологического дискурса разрабатывается, в частности, в рамках так называемой Critical Discourse Studies (CDT), развиваемой Т. Ван Дейком и его последователями [Van Dijk 1996, 1999; Wodak, Meyer 2001 и др.].

[2]. Ср. в этой связи дифференциацию идеологем, предложенную А. П. Чудиновым. К первой группе он относит слова и словосочетания, смысл которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов», которые при этом используются внутри разных идеологий. Вторую группу образуют слова, которые «используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующим

имеющим наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию» [Чудинов 2006: 92—93]. Таким образом, проявляющийся на дискурсивном уровне лексико-семантический сдвиг является достаточно явным маркером идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2004.
2. Кутина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. — М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 182—189.
3. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.
4. Мирошниченко А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 1995.
5. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. — М. : ВШЭ, 2013.
6. Нахимова Е. А. О лексикографическом представлении идеологем // Современная политическая лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.
8. Шmitt К. Политическая теология. — М. : КАНОН-Пресс-Ц, 2000.
9. Freedon M. Ideologies and political theory: a conceptual approach. — Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Pr., 1996.
10. Freedon M. Liberal languages: ideological imaginations and twentieth-century progressive thought. — Princeton, N. J. : Princeton Univ. Pr., 2005.
11. Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. — Berlin : Duncker & Humblot, 2004.
12. Van Dijk T. A. Discourse, racism and ideology. — La Laguna (Spain) : RCEI Ediciones, 1996.
13. Van Dijk T. A. Ideology: a multidisciplinary approach. — London : SAGE, 1998.
14. Wodak R., Meyer M. Methods of critical discourse analysis. — London: SAGE, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.